

Золотая клетка для маленькой птички (Шарлотта-Александра Федоровна и Николай I)

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Золотая клетка для маленькой птички (Шарлотта-Александра Федоровна и Николай I)

Елена Арсеньева

Браки совершаются на небесах

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

Елена Арсеньева

Золотая клетка для маленькой птички

Шарлотта-Александра Федоровна и Николай I

***

Император Николай Первый, которого все наперебой называли человеком жестоким, нелиберальным и даже жандармом Европы, отличался совершенным

бесстрашием. Он просто-напросто считал ниже своего достоинства чего-то бояться и ездил по Петербургу по возможности один, без конвоя. И вот однажды государь возвращался во дворец по Морской улице. Кучер отчего-то затормозил, и маленькая девочка-побирушка, восторженно смотревшая на роскошный выезд, вдруг соскочила с тротуара и быстро встала на запятки императорских саней. Ни кучер, ни сам Николай Павлович этого не заметили, сани вновь тронулись; наконец император обратил внимание, что прохожие как-то странно смотрят на него. Он обернулся – и увидел маленькую нищенку, которая тоненьким голоском попросила, боясь, что ее сейчас сгонят с полозьев:

– Дяденька, дай покататься!

– Изволь, только держись крепче! – велел император.

Девчонка доехала на запятках до самого Зимнего дворца и не спешила уйти.

– Ну что, пойдешь ко мне в гости? – серьезно спросил император.

Нищенка посмотрела на него снизу вверх – очень высокий, красивый, роскошно одетый, он, наверное, казался ей кем-то вроде Бога! – и кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Император взял ее за руку и привел в комнаты императрицы. При виде оборванки скандализированные фрейлины стали столбами, не зная, как воспринять причуду повелителя, а императрица всплеснула руками и начала спрашивать:

– Где вы нашли эту маленькую замерзшую птичку, этого воробушка? Какое чудное дитя. Надо взять ее на свое попечение!

Ободренная ласками красивой, сладко пахнувшей дамы девочка отогрелась, расправила перышки (она и впрямь напоминала птичку) и поведала, что она дочь прачки из Измайловских казарм. Поскольку дело происходило на Масляную, гостью накормили блинами, и она чистосердечно призналась, глядя на государя:

– Дяденька, а ведь твои блины лучше наших!

– Ничего, – сказал император, – я уж позабочусь, чтобы ты ела теперь только хорошие блины.

Малость ошалевшую от еды и изобилия впечатлений девочку отправили домой с сопровождающим и крупной суммой денег – для помощи ее матери.

Окна покоев императрицы выходили на Неву, однако она нарочно попросила, чтобы сани с гостьей проехали под ее окнами, и помахала вслед рукой.

– Вот и улетела птичка! – сказала она, смеясь и оборачиваясь к мужу, который стоял на шаг позади.

– Нет, – сказал он, глядя на нее своими удивительно красивыми голубыми глазами. – Моя птичка всегда со мной.

Именно так – моя птичка – он называл свою невесту, а потом и жену, королеву прусскую Фредерику-Луизу-Шарлотту-Вильгельмину. Беленькая, румяная, нежная, с удивительно тонкой талией, она казалась ему неземным существом. Первым чувством его была не страсть, не жажда обладания ее красотой, а желание защитить ее, согреть, уберечь от треволнений мира. С первой минуты встречи он дал себе клятву в этом – и старался эту клятву исполнять всегда, всю жизнь. Для этого он посадил свою маленькую птичку в самую прекрасную клетку, какую только можно было себе вообразить, – в свой дворец, и горько каялся, если какие-то обстоятельства порою вынуждали его нарушить священную клятву.

...Хоть русские государи с давних пор испытывали слабость к немецким невестам и охотно вступали с ними в браки сами или сватали их за своих сыновей, однако это правило отчего-то распространялось на дочерей каких угодно германских княжеств – только не королевского дома Пруссии. Однако времена меняются, и вот император Александр I высватал для своего младшего брата, царевича Николая, не кого-нибудь, а дочь самого прусского короля. Королева Луиза когда-то была влюблена в Александра и пользовалась его благосклонностью. Это была лишь платоническая, невинная любовь, однако она оставила глубокий след в двух сердцах. Именно поэтому после смерти тайно любимой им Луизы Александр издалика приглядывал за ее дочерью, а когда она повзрослела, затеял сватовство.

Это было в 1814 году. Звезда русского царя – победителя Наполеона сверкала на европейском небосклоне так ярко, что, казалось, ничего более яркого и представить себе невозможно. Он очаровал европейцев не только своим царственным благородством, но и умением вести беседу, поддержать самый тонкий и изощренно-остроумный разговор. Это был не только государь, но и блестящий мужчина. Ему старались подражать. Брат Константин Павлович доходил в этом подражании до смешного, он стремился копировать каждый жест императора. Но младший брат Николай отнюдь не страдал страстью к подражаниям! Он был совсем иным – самостоятельным человеком. В нем с самого юного возраста проявилось редкостное чувство собственного достоинства. Вряд ли это было предчувствие власти, ведь был в полном здравии Александр, за ним по старшинству следовал Константин – и все же Николай был воистину царственен, и это ощущал всякий.

Николай с молодых лет и всю жизнь оставался одним из красивейших мужчин своего времени. Конечно, в ту пору, когда он встретился со своей невестой, он еще не был тем могучим, статным человеком, каким сделался потом. Он был очень худощав, а оттого казался еще выше ростом. Облик его и черты лица еще не имели той законченности, которая потом заставляла сравнивать его с Юпитером с античных камней. Однако черты эти были удивительно правильны, лицо открытое, с четко очерченными бровями, прекрасный профиль, небольшой рот и точеный подбородок. Это был необыкновенно красивый юноша, высокого роста и прямой, как сосна. Английские леди, налюбовавшиеся им во время его визита в Англию в 1814 году, наперебой утверждали, что со временем Николай будет красивейшим мужчиной в Европе.

При всем этом осанка и манеры его были свободными, он любил посмеяться – и легко очаровал прусскую королеву.

Она с нетерпением ждала того дня, когда окажется в Петербурге и станет женой этого красавца. Прибыла она в Россию в июне 1817 года, и жених встретил ее у пограничного шлагбаума во главе войска. Кто-то видел в этом просто исполнение ритуала, однако Шарлотта расценила это как нетерпение, которое влекло к ней влюбленного Николая.

Первое впечатление ее о России, об императорском дворе было одновременно и радостным и пугающим. С одной стороны, все ласкали ее. С другой стороны, она побаивалась и величественной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и

государыни Елизаветы Алексеевны, жены Александра, о скандальной славе которой была уже осведомлена...

Все с восторгом смотрели на молоденькую невесту – и охотно извиняли ей маленькую оплошность, происшедшую, впрочем, не по ее вине. Гостя не переделась к обеду, потому что фургоны с ее багажом еще не прибыли. А впрочем, она была прелестна и в своем закрытом белом платье из гроденапля, отделанном блондами, в хорошенькой маленькой шляпке из белого крепа с султаном из перьев марабу. То была самая новейшая парижская мода, и дамы сумели ее оценить. Кавалеров в большой восторг привела изумительная талия принцессы, ее крошечная изящная ножка, легкость ее походки. Именно тогда Николай и назвал ее в первый раз птичкой.

Впрочем, вскоре она перещеголяла роскошью нарядов всех дам. Особенно в день своей свадьбы, которая состоялась 1 (13) июля. Чудилось, бриллианты, множество украшений, под тяжестью которых она была едва жива! – сверкали на ней ярче, чем на других. Может быть, оттого, что она надела их в России впервые в жизни: прусский король воспитывал дочерей с редкой простотой. И, само собой, им не позволяли румяниться: это было тоже открытием для нее. Румяна оказались Шарлотте весьма к лицу. Словно в память о прошлой, скромной жизни, с которой она теперь прощалась навеки, Шарлотта приколола к поясу белую розу.

Правда, теперь ее называли иначе – Александра, Александрина, даже Александра Федоровна (Шарлоттой она осталась только для влюбленного мужа). 24 июня она приобщилась святых тайн и крестилась в православие. Обряд, в котором она ничего не понимала, почти не затронул ее душу, приближенные, сопровождавшие ее из Пруссии, откровенно рыдали, глядя на свою маленькую королевну, такую испуганную и явно ничего не понимающую... Однако эти неприятности, эти волнения не имели особого значения для Шарлотты-Александры. Она ведь была из тех милых женщин, которые способны полностью раствориться в заботах и делах своего мужа и для которых ничто в жизни не имеет значения, кроме жизни ее семьи.

Именно это делало ее счастливой. Именно это сделало ее несчастной...

Одной из самых больших радостей тех дней были военные парады, которые устраивались в честь невесты. Германия – страна военных, страна особого почитания военных, и Александра была проникнута этими настроениями с

самого детства. Словно на родных, смотрела она на проходящие перед ней войска гвардии, особенно на Семеновский, Измайловский и Преображенский полки, знакомые ей еще по пребыванию их в Пруссии во время войны с Наполеоном. Она по-детски обрадовалась, увидев кавалергардов, шефом полка которых ей предстояло сделаться в скором времени.

Надо сказать, что после победоносной войны 1812 года военные были в особенной чести у женщин, однако Александра своим искренним восторгом перед мундирами превосходила прочих дам и в этом смысле, конечно, была родственной душой своему молодому мужу. Ведь страсть Николая ко всему военному порою не на шутку беспокоила его мать, императрицу Марию Федоровну. Она настойчиво требовала, чтобы юные Николай и Михаил, его младший брат, носили гражданское платье и занимались более серьезным учением, нежели военными забавами. Однако ее усилия оставались тщетными. И было совершенно невозможно себе представить, что в раннем детстве Никс – так его называли дома – испытывал жуткий страх при звуке стрельбы. Он затыкал уши и плакал, прятался в алькове, а когда товарищ его детских игр, Адлерберг, нашел его там и стал стыдить, Никс ударил его по лбу с такой силой, что шрам от удара остался у того на всю жизнь. Между прочим, это не помешало Адлербергу быть одним из самых верных и преданных друзей Николая до самой его смерти. Боялся Никс не только стрельбы, но и грозы, и фейерверка, и даже вида пушек. А встреча с людьми в форме приводила его просто в содрогание. Когда он и Михаил оказывались в военном лагере, то снимали шляпы и кланялись офицерам, опасаясь, чтобы их не взяли в плен. Вполне возможно, что это были плоды воспитания мисс Эжени Лайон, шотландской няни маленьких великих князей. Несмотря на свой сильный характер (именно она сумела внушить Николаю представление о рыцарских добродетелях, верным которым он старался оставаться всю жизнь), она была только женщина. Детские страхи Николая – это ее страхи. Точно так же, как внушенная ему на всю жизнь неприязнь (если не более сильное чувство!) к полякам: в 1794 году мисс Лайон оказалась в Варшаве во время восстания Костюшко, и ужас пережитого не покидал ее никогда.

Однако ко времени женитьбы все детские страхи Николая остались далеко позади.

Тотчас же после свадьбы Николай Павлович (ему тогда был 21 год) был назначен генерал-инспектором и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Это была весьма ответственная должность, на которой вполне проявились блестящие

организаторские способности молодого великого князя.

Вообще в те годы все для него складывалось просто великолепно. Семейная жизнь была прибежищем и отдохновением. Александрина умела радоваться жизни и передавать свою радость окружающим. Ее все приводило в восторг, а если какие-нибудь досадные мелочи вызывали слезы, то они были столь же кратки, преходящи и очаровательны, как мгновенный дождь, вдруг грянувший с солнечного небосвода. Ее любили все, даже придирчивая вдовствующая императрица. Не шутя говорили, что к снохе она более снисходительна, чем к своим дочерям. И, уж конечно, – чем к одиозной фигуре молодой императрицы Елизаветы Алексеевны, чья репутация в глазах мужа, свекрови была давно и непоправимо испорчена.

Мнение Марии Федоровны разделял практически весь двор, даже самые молоденькие его представительницы. Как-то раз государева семья посетила концерт знаменитой итальянской певицы Каталани. За появлением царственных гостей в ложе наблюдали воспитанницы Екатерининского института. И сразу отметили прелестное существо, впорхнувшее в ложу тотчас за Марией Федоровной. Это была молодая дама в голубом платье, по бокам которого были приколоты маленькие букетики пурпурных роз. Такие же розы украшали ее хорошенькую головку. За ней почти бежал высокий веселый молодой человек, который держал в руках соболий палантин и говорил:

– Шарлотта, Шарлотта, вы простудитесь!

Молодая дама поцеловала руку государыне Марии Федоровне, которая ее нежно обняла. Институтки зашушукались:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/elena-arseneva/zolotaya-kletka-dlya-malen-koy-ptichki-sharlotta-aleksandra-fedorovna-i-nikolay-i>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)